

DOI: 10.17805/zpu.2022.2.6

Методологические подходы к анализу персональной модернизации в процессе трансформации современности

В. П. ВЕРЯСКИНА

Институт философии РАН

Статья посвящена рассмотрению возможных методологических подходов к исследованию изменений человека, который становится современным в ходе исторического процесса. В статье показывается, что современным, в отличие от традиционного общества, становится как общество, так и сам человек в результате персональной модернизации. Под персональной модернизацией понимается проблематизация связей и взаимодействия человека с социальными институтами, прежде всего с капитализмом. В работе рассматриваются особенности персональной модернизации на разных этапах капитализма, который и сам, в свою очередь, подвержен трансформациям.

В этой связи в работе проводится идея о необходимости методологического анализа персональной организации на разных уровнях: социально-философских концепций современности, уровня методологии социологических и социально-психологических подходов, а также методологии прогнозирования возможных изменений человеческого потенциала, обусловленных вызовами XXI века в российском контексте социального развития. Такой многоуровневый методологический подход к персональной модернизации позволяет более глубоко понять человеческое измерение исторического процесса, его направленность и риски, связанные с возрастающей ролью в нашем обществе человеческих качеств, человеческого потенциала и человеческого капитала.

Ключевые слова: современный человек; методология; персональная модернизация; современность либеральная и организованная; капитализм; свободный автономный человек; экономический и массовый индивид; человеческий потенциал; «самодостаточные» россияне

ВВЕДЕНИЕ

Исторический процесс — это процесс изменения как общества, так и человека. Проблемой являются выяснения как сущностных, так и конкретно-исторических, содержательных особенностей этого изменения. Сущностное определение феномена современности, которая приходит на смену традиционному обществу, наиболее адекватно сформулировал политический философ Б. Г. Капустин. Он отмечает, что в Новое время происходит распад тех ценностей, которые в прежние времена регулировали всю социальную жизнь, и поэтому возникает потребность в новых регулятивах и ценностях. «Современность заявляет себя прежде всего как *двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка*. Если более нет той структуры реальности, которая “объективно” задает “общую концепцию человеческой деятельности”, то “принципом современного общества”, как его формулирует В. Г. Ф. Гегель в “Феноменологии духа”, выступает “абсолютная самостоятельность” индивида... т. е. непосредственная достоверность себя самого... и тем самым безусловное бытие» (Капустин, 2001: 587; курсив наш. — В. В.). Однако это не означает, что абсолютная самостоятельность индивида ничем не ограничивается и потому взята в кавычки, что она взаимодействует и ограничивается, сдерживается социальными институтами, создающими общественный порядок. К социальным институтам современности относят, как правило, капитализм, представительную демократию, централизованные и технологизированные аппараты насилия, инду-

стриализм, бюрократию, СМИ и т. д. В Новое время, они, возникнув, изменялись и требовали изменения индивида в ходе взаимодействия с ними. Этот процесс изменения выражает персональную модернизацию, которая формирует индивидуальную современность. Поэтому актуальность персональной модернизации обусловлена необходимостью прояснения роли человека в историческом процессе, понимания в нем значимости человеческих качеств, человеческого потенциала и человеческого капитала, влияющих на социальные изменения.

Анализ персональной модернизации предполагает ответы на широкий спектр вопросов: что такое *современный человек*, каковы его характерные признаки и особенности; каковы исторические истоки современного человека, этапы социальных изменений, в которые он интегрирован; каковы доминирующие модели, соответствующие этим этапам; какие особенности характерны для происходящих сегодня процессов персональной модернизации, ее риски и амбивалентность. И это далеко не полный перечень вопросов, которые волнуют живущего в настоящее время человека. Вопросы аутентичности персональности, смысл существования, духовного и нравственного развития и мотивации деятельности становятся в современном мире все более востребованными в своей императивности.

Именно поэтому все эти проблемы требуют внимания и анализа методологии их исследования, поиска соответствующего инструментария в познавательном процессе. В методологических подходах к анализу мы обратимся к разным уровням исследования: уровню концептуальных, социально-философских подходов к изменению форм персональной модернизации в условиях исторического капитализма как важнейшего социального института меняющейся современности; уровню методологии социологического анализа человеческих качеств, их измерения и научных обобщений меняющегося образа человека в конкретное историческое время. Важнейшим в методологии анализа в настоящее время является также метод прогнозирования вызовов XXI в. в российском контексте, касающихся изменений человека. Обратимся к ключевым моментам, обозначенным в этих методологических подходах

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА О МОДЕРНЕ

Для понимания социально-исторических особенностей персональной модернизации важно понимание значимости *исторического контекста*, в процессе которого меняются социальные практики.

Контекстуализм как метод анализа и реконструкции исторического процесса позволяет зафиксировать и описать особенности социальных и индивидуальных изменений. Социальный контекст менялся в силу неоднородного характера самой современности, историческими этапами которой были Первая либеральная современность (1885–1914 гг.), Вторая — организованная современность (1914–1989 гг.), Третья — новая современность (с 1989 г. — по наст. время) (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). На каждом из этих этапов экономика, техника и организационные средства, система политики выступили как доминанты исторических и социальных изменений, влияющих определенным образом на индивидуальные изменения людей в условиях становления и развития капитализма как социального института. «На этапе Первой великой трансформации, образовавшей первую либеральную современность, была сформирована первая целерациональная систе-

ма капитализма — *экономика*, переделавшая западное общество, а не только его хозяйственную жизнь в капиталистическое. На этапе Второй великой трансформации, формирующей вторую организованную современность, капитализм выделил вторую целерациональную систему — *технику и организационные средства*. На этапе Третьей великой трансформации, преодолев неолиберализм ее начальной фазы и выдвинув национально-государственную систему на передний план, капитализм сформулировал третью целерациональную *систему политики*» (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 237–243; курсив наш. — В. В.). Выделение хронологических рамок и этапов современности, а также целерациональных систем капитализма, лежащих в изменении динамики современности, является важнейшим методологическим подходом, позволяющим анализировать изменение персональных качеств людей, отвечающих изменяющимся потребностям социального развития. Динамика персональной модернизации прослеживается в концепциях В. Зомбарта, К. Поланьи, М. Вебера, анализирующих капитализм, его генезис и историческое развитие.

На этапе либеральной современности, связанной с переходом от феодализма и генезисом капитализма, происходят важные изменения человека, обусловленные связью с новыми социальными институтами, прежде всего с частной собственностью и, как следствие, изменением мировоззрения. Если феодальный тип личности — это прежде всего сословный индивид, принадлежащий к ограниченному коллективу — общине, сословию, цеху, дающему ему возможность идентификации и определенные блага, то в процессе генезиса капитализма появляются иные типы личности, способные уже действовать, полагаясь прежде всего на себя, строить жизнь, не рассчитывая на принадлежность к той или иной корпоративной структуре. Одновременно менялись и мировоззренческие ориентации человека, в центре которых были индивидуализм и антропоцентризм. Эти особенности описал В. Зомбарт в работах «Торгаши и герои. Раздумья патриота» (Зомбарт, 2005b) и «Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека» (Зомбарт, 2005а), где представлена многообразная палитра типов человека — *Homo capitalisimus*. Эти образы показывают характерные истоки и особенности начала персональной модернизации¹.

Торгашеский дух человека в работах В. Зомбарта ориентируется на практические цели, выгоду, комфорт, а богатство оказывается маркером успешной жизни. Противоположные мировоззренческие ориентации у людей другого типа, представляющие ранний этап капитализма: это люди долга, герои. «Их добродетели — готовность к самопожертвованию, верность, храбрость, простодушие, благочестие, послушание, доброта» (Зомбарт, 2005в: 52). И это два вечных полюса ориентации человека на Земле, считает В. Зомбарт. Он также описывает необходимые качества нового типа предпринимателя. Его качества — это предрасположенность к деятельности, ум, одаренность, решительность и упорство в достижении цели. Кроме того, он способен идти на риск, но вместе с тем обладает зачехнувшей чувственной и душевной жизнью. «Сочетание души предпринимателя и души мещанина, которые только в соединении образуют капиталистический дух» (Зомбарт, 2005а: 250). Значимость экономического подхода В. Зомбарта — в описании типажей *Homo capitalisimus*, анализе связи персональной модернизации с духовным развитием *экономического* человека, его новыми мировоззренческими ориентациями, это образ человека современного типа, начинающего длительный историче-

ский процесс персональной модернизации. «Это образ человека, рациональный и душевный механизм которого должен был постепенно перевернуть все жизненные ценности. Homo capitalismus представляет собой искусственное и искусное образование, являющееся следствием такого переворота» (Sombart, 1913: 281).

Значимость концептуального социально-философского подхода К. Поланьи в исследовании процессов персональной модернизации на либеральной стадии современности в том, что он рассматривает роль социальных институтов и их влияние на человека как на ранней, так и впоследствии на зрелой фазе капитализма. Рынок факторов производства, промышленная революция, становление индустриального, а затем массового общества составляют исторический контекст персональной модернизации, в результате которой трансформируется и преобразуется человек. Поланьи считает, что труд, земля и деньги, включенные в рыночный механизм капиталистического производства, могут привести к негативным последствиям и для общества, и для человека. Он подчеркивает: «... позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы в конечном счете уничтожить общество... Распоряжаясь “рабочей силой” человека, рыночная система в то же самое время распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым “человек”, существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием. Лишенные предохраняющего заслона в виде системы культурных институтов, люди будут погибать вследствие своей социальной незащищенности; они станут жертвами порока, разврата, преступности и голода, порожденных резкими и мучительными социальными сдвигами» (Поланьи, 2002: 87).

Методологическое значение идей К. Поланьи в том, что он анализирует исходные особенности этапа развития человека в определенных условиях, которые получают в дальнейшем свое пролонгированное воздействие. Так, например, концептуальный подход Поланьи обращает внимание на негативную роль рыночного фундаментализма, который по мере дальнейшего развития капитализма мутирует в биокапитализм на его поздних стадиях, при котором человеческая жизнь в целом, а не только профессиональные качества включаются в механизм рыночного производства, оказывая трансформирующее воздействие на человека. Или идеи, связанные сегодня с обсуждением безусловного базового дохода для каждого в связи с ситуацией «лишних людей» в условиях кризиса общества наемного труда (Р. Кастель) и высокотехнологичного, роботизированного производства, актуализируют провидческие оценки К. Поланьи относительно негативного воздействия на людей, живущих на пособия. Он обращается к закону Спинхемленда в Англии (1795–1834) в период промышленной революции, который вызвал у живущих только на пособия людей утрату чувства собственного достоинства и привел в конечном счете к пауперизации деревни. Это заставляет подумать и об актуальных нравственных и экзистенциальных измерениях персональной модернизации в связи с решением проблем социального неравенства в настоящее время и введением в этой связи безусловного базового дохода.

Значимым концептуальным подходом к пониманию становления человека современным на этапе либеральной современности является концепция М. Вебера. Он предлагает образ человека, который сам ответственен за свою персональную модернизацию, за формирование тех качеств, которые делают его не только совре-

менным, в отличие от человека традиционного общества, но и морально состоятельным, руководствующимся этикой протестантизма, трудом как призванием и трудовой аскезой. Успешность в реализации этих принципов позволяет считать такого человека избранным к спасению. *«На этой основе у отдельного человека возникает импульс к методическому контролированию своего поведения (для того чтобы обрести уверенность в своем избрании) и тем самым к его аскетическому преобразованию. Этот аскетический стиль жизни сводился, как мы уже видели, к ориентированному на божественную волю рациональному преобразованию всего существования.* Такая аскеза была уже не избыточным делом (*opus supererogationis*), которую мог выполнить каждый, кто стремился обрести уверенность в своем спасении (Вебер, 1990: 183; курсив источника. — В. В.).

Среди всех качеств человека Вебер выделяет две особенности. *«Это персональность и внутренняя дистанция.* Персональность характеризует отношение человека к конечным смыслам. Это то, что поднимает индивида над рутинной повседневности... Подобный идеал может иметь и секулярный характер. Внутренняя дистанция в понимании М. Вебера означает способность индивида отказаться от тех образцов поведения и ценностей, которые не соответствуют персональности, твердым принципам индивида» (Федотова, 2007: 23–24; курсив источника. — В. В.).

Подводя итог, можно сделать вывод, что в концепциях В. Зомбарта, К. Поланьи, М. Вебера на этапе либеральной современности с ее первой целерациональной системой капитализма — экономикой возникла модель человека как автономного, ответственного индивида, автономного от ограниченного корпоративного сообщества и ответственного за планирование своей жизни и решения проблем, за последствия которых он и несет персональную ответственность. Это человек с новым экономическим мировоззрением предпринимателя, для которого успех в экономической деятельности становится важным мотивом в процессе персональной модернизации. Это и есть образ современного человека. Таким образом, идея индивидуального автономного индивида становится основополагающей для всего проекта модерна.

Вместе с тем в этих концептуальных подходах видно, что те противоречия, которые были на ранних этапах персональной модернизации, сохраняются и в будущем, но в иной, уже превращенной форме. Это касается как вариаций между полюсами инструментализма и нормативизма в интерпретации образа человека, так и издержек, связанных с рыночным фундаментализмом.

ОРГАНИЗОВАННЫЙ МОДЕРН КАК ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ТЕХНИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ В ТРАКТОВКЕ ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

На этапе организованного модерна как общества, так и индивид имеют свои специфические характеристики. Доминирующим фактором этого этапа становится индустриализм. В его основе лежит научная организация труда, которая использует идеи тейлоризма, фордизма и «школы человеческих отношений» (Э. Мейо), стандартизацию технологий и востребованных качеств работника, обслуживающего производственный процесс. Персональная модернизация нацелена на такое воспроизводство рабочей силы, которое позволяло бы с позиций *организационной и технологической целерациональности* создавать общество массового производства и массового потребления. Фордизм как социально-экономическая

программа капитализма смог эффективно адаптировать работника к новым условиям капиталистического производства, мотивируя его высокой зарплатой, социальными программами и тем самым создавая условия для развития массового общества и целенаправленного использования человеческого капитала.

Методологическое обоснование организованному модерну как целерациональной системе капитализма, влияющей определяющим образом на человека и тем самым на его персональную модернизацию, предложил П. Вагнер. Он в качестве основной черты организованного модерна выделил *всеобъемлющую конвенциализацию социальных практик*, которая стала средством уменьшения неопределенности, связанной с автономией индивидов в контексте либеральной современности. «Конвенциализация социальных практик представляет собой определенное отступление от либеральных идей, характеризующих ранний модерн. Идея индивидуальной автономии, основополагающая для всего проекта модерна, при этом не отрицалась, однако стала очевидной несостоятельностью либеральных надежд на то, что из свободного индивидуального действия “естественным путем” вытекает социальная гармония, что из свободной экономической инициативы автоматически следует богатство народов, а из политических свобод индивидов — стабильная демократия» (Фурс, 2000: 209).

Согласно П. Вагнеру, конвенциализация практик в социально-политическом смысле позволяла регулировать воздействие на положение индивида в обществе: фиксировала его профессиональный статус, возраст, состояние здоровья, семейное положение и при необходимости оказывала поддержку, обеспечивала соответствующий государству всеобщего благоденствия порядок. «Социальный мир становился управляемым, а тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных и неподконтрольных социальных пространств. Стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности: для рабочих в виде приемлемого уровня жизни, для элит — в виде отсутствия политических потрясений» (там же: 211).

На этапе организованной современности (начало XX в. — 70-е гг. XX в.) происходят крупные социальные и экономические трансформации, связанные с возникновением монополистического капитализма, появлением акционерного капитала, возникновением крупномасштабных организаций — корпораций, возрастанием организационной роли государства. Эти социокультурные изменения составляют контекст, в котором новая культура труда требует специфической сопряженности с персональными качествами людей, участвующих в модернизации. Субъектами социальных изменений становятся новые социальные типы личностей, прошедшие персональную модернизацию: менеджеры, «белые воротнички», люди организаций (организационный человек У. Уайта), автономный человек (У. Уорнер). Их характеризуют особые условия деятельности и социально-психологические качества. Обратимся к этим особенностям.

Тейлоризм ориентирован на создание совершенно нового типа работника. Речь идет о трансформации психологических, интеллектуальных и трудовых навыков участников трудовой деятельности. Если рабочий эпохи индустриального капитализма — обладатель индивидуальной квалификации и индивидуальных трудовых навыков, то эпоха монополий и трестов требовала *унификации* труда. Должны быть унифицированы профессиональные знания и квалификация, выработаны унифицированные психологические качества, необходимые для работы на массо-

вом производстве, создан унифицированный режим труда и образа жизни. Без выполнения всех этих условий было невозможно существование крупномасштабного производства с его организационной и трудовой дисциплиной. Тейлор решил эти задачи на основе науке — научной организации труда. В данном случае культура труда, основанная на науке, формирует как новую социальную реальность, становясь *рефлексивным* проектом, изменяющим общество, так и изменяющим самого работника. Тейлоризм как конвенциональная практика ярко продемонстрировал, что социальная жизнь не столько направляется и корректируется наукой, сколько возникает и строится на основе науки. Наука предшествует и активно формирует социальную жизнь. «Подобная *рефлексивная* проективность социальной практики, беспрецедентная в истории до начала XX века, возникает и реализуется через создание *организационных принципов*, на основе которых строится социальная жизнь» (Полякова, 2004: 43; курсив источника. — В. В.).

Тейлор разработал систему мер, направленную на оптимизацию отношений в трудовом коллективе с ориентацией на конкретного работника с учетом его психологических и социальных особенностей. К таким мерам относились поддержание хороших личных отношений между хозяевами и рабочими для оптимизации работы каждого отдельного работника, введение дифференцированной системы оплаты труда, поручение каждому рабочему самой трудной работы, на которую он способен по своему развитию и способностям. Фактически мы видим формирование индивидуального подхода к человеку в действии, но в ограниченной сфере — сфере труда, нацеленного на эффективность. В будущем этот подход будет распространяться и на потребление, на персонализированную медицину и на другие социальные практики.

В этом же русле рефлексивных механизмов, создающих и модернизирующих социальную реальность, развивались практики «человеческих отношений», направленные на социально-психологическое *управление коллективным сознанием* и формирование солидаристских отношений и выработку «высокой трудовой морали». Автором теории «человеческих отношений» выступил Э. Мейо — профессор индустриальной социологии Гарвардского университета, созданной на основе «Хоторнских экспериментов», проводившихся в Вестерн Электрик Компани (1924–1942 гг.). Они показали роль неформальных структур, обеспечивающих индивиду признанию значимости его статуса и ролей, сохранения некоторой автономии от власти, управления и фрустрирующих условий технологического процесса.

Социально-экономическая практика фордизма использовала идеи как тейлоризма, так и аналоги школы «человеческих отношений», чтобы персональная модернизация работника была наиболее эффективно адаптирована к условиям капиталистического производства. Г. Форд реализует политику стандартизации — массовое, серийное производство товаров, на основе стандартизированной технологии, стандартизированным рабочим, обладающим стандартизированными навыками. Мотивация посредством оплаты труда и система социальных программ для рабочих фордовских компаний позволила дать высокую оценку фордизму как «программируемому капитализму», как новой исторической эпохе «пассивной революции» (А. Грамши). Принципы управления, предложенные Г. Фордом, доминировали в Америке и в мире в течение почти всего XX века.

Культура труда на рубеже XIX–XX вв. трансформируется с появлением акционерного капитала, связанного с разделением функций владения и управления соб-

ственностью. Возникают вследствие монополизации и крупные корпорации. Как следствие, меняется и субъект с соответствующей персональной модернизацией: на смену предпринимателю — свободному автономному индивиду приходят менеджеры, технократы, «белые воротнички». Руководящие деятели социальных институтов — экономики, армии, государства образуют властвующую элиту, а новый массовый средний класс — класс «белых воротничков» — наемные служащие, лишенные собственности. «Уход с исторической арены свободного предпринимателя и появление зависимого наемного работника означает уход со сцены независимого индивида и появление индивида с психологией и мышлением маленького человека <...> Эти новые маленькие люди, сами того не желая, являются авангардом современного общества» (Полякова, 2004: 108–109). В последующем историческом развитии содержательные характеристики и удельный вес среднего класса в модернизируемых обществах будет изменяться под влиянием новых технологий и трансформации характера труда.

В ряде других концептуальных и аналитических подходов были предложены и другие модели человека, такие как модульный человек (Э. Геллнер), экономический человек — *Homo economicus*, массовый человек. На наш взгляд, общим основанием для их содержательного определения является отношение к такому качеству человека, как индивидуальность. *Модульный человек* — это индивидуализация без специфики, заранее определенной. Понятие модульного человека ввел социолог Э. Геллнер, связывая его со способностью человека встраиваться в любые эффективные институты и ассоциации, а также их свободно покидать. Модульный человек открыт новому опыту, он может адаптироваться в любом социальном контексте и осваивать, меняя постоянно новые роли, работу, идентичность. Фактически он в состоянии индивидуализироваться, не имея заранее обозначенной жесткой спецификации.

Экономический человек — *Homo economicus*, индивидуальные особенности которого определяет экономическая рациональность — максимум выгоды при минимуме издержек. *Homo economicus* — не только модель экономической науки, но и воплощение в реальной экономической жизни. Его современная особенность, в отличие от первоначальных этапов становления, в том, что его жизнь встраивается в коммерциализацию и товаризацию, которые охватывают не только сферу экономики, но и культуры, политики и даже межличностные отношения.

Развитие производства и совершенствование техники начиная с середины XX в. повсеместно формирует потребительское общество, в результате главной фигурой становится *потребитель*. Потребление становится основой стабилизации капитализма. Возникает массовый человек массового общества. *Массовый человек* — индивидуализм без индивидуальности, «подгонка» личности под массовый стандарт. Массового человека потребительского общества описали Х. Ортега-и-Гассет, Г. Маркузе, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, Г. Лебон, Г. Тард как идеально-типическую модель и как онтологическую реальность позднего капитализма. Сущностные черты массового человека пронизательно отметила отечественный исследователь В. И. Самохвалова: «Индивидуализм как деиндивидуализация сознательно насаждается, поскольку современное общество нуждается в максимально одинаковых, схожих людях, которыми проще управлять. Рынок заинтересован в стандартизации личностей как товаров. Стандартные вкусы легче направлять, дешевле удовлетворять... Массовый человек становится все более опустошенным при всем много-

образии и яркости внешнего наполнения его бытия, все более внутренне безликим и бесцветным при внешней претенциозности» (Самохвалова, 2003: 182–196).

Этап современности, начавшийся в конце XX в. и продолжающийся в настоящее время, можно, на наш взгляд, обозначить как радикализированный модерн. В условиях его рефлексивной природы центр тяжести в исторической трансформации человека смещается на политическую целерациональность как средство управления возможностями, культуру, роль знания, самосовершенствование и саморазвитие человека. Можно выделить ряд особенностей, которые существенным образом влияют на человека в условиях радикализированного модерна (подробнее см.: Веряскина, 2017). Наиболее существенными особенностями являются следующие: нарастание проблем, связанных с кризисом: экономическим, антропологическим, экзистенциальным; радикализация модерна, связанная с уходом традиций, которую обозначили в работе «Жизнь в посттрадиционном обществе» Э. Гидденс, У. Бек и С. Лэш (Giddens, 1996: 144); трансформация семьи, а также сексуальной идентичности и интимности (Гидденс, 2004); в связи с ростом роли знания становление рефлексивности не только современности, но и личного «Я» как рефлексивного проекта, характеризующего персональную модернизацию. Это означает, что *современная личность как рефлексивный проект* основывается на самостоятельном выборе самоидентичности и жизненного стиля. Э. Гидденс отмечает: «Самоидентичность приобретает характер рефлексивного проекта с помощью таких форм становления, как автобиографическое повествование, достижение аутентичности “Я”, понятой как верность самому себе, придающей смысл жизненному пути» (Giddens, 1991: 45). Особенностью также является зависимость человека от целерациональной системы политики в условиях капитализма: от системы образования, потребления, моды, права, СМИ, услуг — медицинских, психологических, педагогических.

Эти складывающиеся тенденции ставят вопросы о будущем развитии человека в условиях поздней современности. На протяжении всех обозначенных периодов современности, либеральной современности, организованной и радикализированной, принципы модерна действовали, но наполнялись на различных этапах конкретным содержанием. С этим связано и развитие методологических подходов к анализу, способных дать соответствующую реальности адекватную картину изменения человека. Можно сделать вывод: исторический контекст рассмотрения процессов изменения человека, его взаимодействия с социальными институтами, выяснение логики исторической трансформации человека с помощью идеальнотипических моделей, влияние доминирующих целерациональных систем капитализма и особенностей рефлексивности радикализированной современности — тот методологический инструментарий, реализованный на уровне социально-философского анализа, который позволяет понять роль человеческого изменения исторического процесса и особенности персональной модернизации. Вместе с тем вывод о том, что «ренессанс, Реформация и Просвещение подняли Западную Европу за счет, по существу, одного нового ресурса — автономного, рационального индивида, взявшего на себя ответственность за собственную жизнь. Но в его формировании сыграли роль многие факторы» (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 134), требует обращения к анализу этих факторов и тем самым расширения методологических подходов, исследующих продолжающуюся персональную модернизацию поздней современности, выявить логику трансформации человека в историческом

процессе. Эту логику мы видим в том, как ее сформулировали отечественные философы: «...автономный ответственный индивид — модульный экономический человек Первой современности; массовый — манипулируемый организациями и техноструктурами — добившийся справедливого распределения через социально-демократические установления — ставший потребителем в потребительском обществе — бунтарем в момент его кризиса. Третья современность еще не сформировалась. Она началась с 1990 года XX века...» (там же: 387). Этот поздний период мы анализируем как путь в *новую современность* XXI в., обусловленную культурными факторами развития, новыми эмерджентными технологиями и новыми геополитическими процессами (см.: Веряскина, 2021).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АНАЛИЗА ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

На рубеже XX–XXI вв. приобретают особое значение теоретические подходы к феномену персональной модернизации, связанные с концепциями человеческого капитала и человеческого развития. Как самостоятельное направление экономической теории оно связано с Чикагской школой, с именами Г. Беккера, Т. Шульца, Б. Вайзборна, Ли Хансона, Дж. Минцера. Их заслуга в том, что они осознали, что в структуре мирового богатства возрастает роль нематериальных активов, к которым относится человеческий капитал. Человеческий капитал представляет качественные характеристики рабочей силы, к которым относятся образование, квалификация, навыки, компетенции повышающие производительные возможности и способные приносить доход и прибыль. При переходе традиционного общества к индустриальному, а затем к постиндустриальному, информационному роль и значимость человеческих качеств в процессах модернизации экономики и общества возрастает.

Представляется важным и научно обоснованным проект построения на основе эмпирических социологических данных модели современного человека учеными Гарвардского и Стэнфордского университетов США. В их трудах была разработана и дана многомерная модель современного человека, совокупность значимых и согласованных характеристик характера современного человека и обобщен эмпирический опыт исследования персональной модернизации в шести развивающихся странах: Аргентине, Чили, Израиле, Бангладеш, Нигерии, Индии. А. Инкелес и Д. Смит, авторы проекта, в работе «Становясь современным» выделяют следующие главные параметры современного человека: «Характер современного человека можно обобщить четырьмя основными параметрами. Это хорошо информированный, принимающий участие в жизни общества гражданин; у него заметно выражено чувство собственной значимости; он крайне независим и самостоятелен в своих отношениях к традиционным источникам влияния, особенно когда он принимает важные решения о том, как ему вести его собственные дела; он открыт для нового опыта и идей, что означает, что он относительно не предвзят и достаточно гибок» (Inkeles, Smith, 1974: 290–291).

Важная мысль этого проекта была в том, что для успешного социального развития необходимы соответствующие социальным институтам персональные качества человека, успешность и эффективность модернизации зависит от них. В ходе исследования были созданы и применены для анализа становления человека современным три модели: концептуальная, аналитическая и поведенческая модели.

Концептуальная модель формирует цель, метод и основные задачи исследования. Ее исходная посылка в том, что никто не рождается современным, это происходит вследствие накопления жизненного опыта, особенно важен опыт работы, прежде всего в сложных, рационализированных, технократических и даже бюрократических организациях. В этом случае он обладает возможностями в изменении от более традиционных особенностей к более современному в отношениях, поведении, системе ценностей. Фабрика, городская жизнь, СМИ играют важную роль. Образование показало себя как влиятельный прогнозирующий параметр современного характера наряду с другими чертами: возрастом, религией, этнической принадлежностью. Характерное отличие современного человека имеет две стороны — внутреннюю и внешнюю. Одна имеет отношение к окружающей обстановке, другая к его отношениям, системе ценностей и чувствам. Изменение внешних условий жизни известно. Эти изменения можно суммировать в следующих ключевых понятиях: урбанизации, образовании, СМИ, индустриализации и политизации. Внутренние изменения связаны с психологическими чертами.

Для того чтобы преобразовать концепцию современного человека в инструмент, полезный для исследования, был создан длинный и достаточно сложный список вопросов для интервью, которые помогают определить, относится ли респондент к традиционному или современному типу. Полностью вопросник опубликован в работе «Становясь современным» А. Инкелеса и Д. Смита.

Аналитическая модель выделила ключевые параметры, по которым возможно судить о современности человека, его персональности во всех исследуемых странах. В этот перечень входят: готовность к новым впечатлениям и открытость для новаторских идей; отношение к миру и его оценке, положительное отношение к существованию различных взглядов и мнений; в отношении ко времени — ориентация на настоящее или будущее, нежели на прошлое; эффективность, включающая способность достигать собственных целей, организовать свою жизнь так, чтобы преодолевать проблемы на всех уровнях — личном, межличностном, государственном; планирование, стремление к справедливости распределения, стремление к образованию, доверие и надежность в отношении к миру и другим людям и т. д.

Эта актуальная модель охватывала около 10 крупных сфер. Это родство и семья, права женщин, регулирование уровня рождаемости, религия, старшее поколение, политические взгляды, потребление, социальная стратификация, психическая корректировка. По каждому из этих разделов представлен богатейший эмпирический материал, поданный под углом зрения становления человека современным в процессе персональной модернизации.

Поведенческая модель. Человек может иметь современные взгляды, но в повседневных межличностных отношениях поступать традиционным образом. Эта модель давала фактическую информацию о поведении человека.

Эти три модели индивидуальной модернизации были методологической базой для эмпирического социологического исследования того, как человек становится современным по сравнению с человеком традиционного общества и человеком традиционалистской ценностной ориентации. Это была одна из первых попыток А. Инкелеса и Д. Смита создать теорию персональной модернизации на основе значительного объема социологических и психологических исследований в названных выше развивающихся странах. Основная цель заключалась в том, чтобы изучить систему персональных качеств людей в зависимости от организационных

свойств институтов и ролей, в которые они вовлечены, и тем самым более глубоко понять сущность социальных процессов, а вместе с пониманием создать возможности для выбора мудрой и эффективной политики национального развития.

Авторы данного проекта приходят к важным выводам, которые имеют значение и для России. Во-первых, внедрение современных институтов, заимствованных или навязанных элитой, оказываются бесполезными до тех пор, пока не появятся заинтересованные, информированные и образованные граждане, которые и заставят эти институты по-настоящему эффективно работать. Во-вторых, распространение среди населения качеств, характеризующих современный характер, является условием успешного государственного развития страны. В этой связи можно обратиться к социологической методологии анализа персональной модернизации в России.

РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ АНАЛИЗА ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Большой вклад в картину многогранных характеристик персональной модернизации в их количественном измерении на основе социологических методов с соответствующими качественными обобщениями внесли работы Института социологии РАН. Еще в начале XXI в. эти ученые обращали внимание на проблемы, препятствующие модернизации страны, такие как отсутствие внятной структурной и институциональной государственной политики и связанной с этим специфики человеческого капитала российских работников, незавершенность социальной и социокультурной модернизации российского общества, недостаточность распространения современных стилей менеджмента. Это барьеры на пути инновационного развития России, интеграции ее в экономику знания. Особо следует подчеркнуть такой вывод: «Как позволяют утверждать результаты исследования, решая задачи модернизации страны, нельзя ограничиваться только проблематикой экономической модернизации, забывая о той базе, на которой последняя может эффективно реализовываться, — *наличие работника, ориентированного на саморазвитие и экономическую рациональность и формирование современной системы производственных отношений*» (Аникин, 2010: 130; курсив наш. — В. В.). Такого работника по-преимуществу создают представители среднего класса и «самодостаточные» россияне, которых можно считать субъектами персональной модернизации в России.

Становление хозяйствующего субъекта в ходе российской трансформации в капиталистический способ производства является центральной проблемой персональной модернизации в России. Это связано с пониманием трех кардинальных проблем: проблем бедности и способов ее решения, в том числе бедности по возможностям, формирование среднего класса России как основы национального развития страны, ее стабильности, безопасности, суверенитета и развитие потенциала «самодостаточных» россиян, не зависящих от дотаций, связанных с государством. В этой связи важна методология, на основе которой существует выделение такого социального хозяйствующего субъекта, как средний класс. Социологи в качестве «критерия в выделении принадлежности к среднему классу фиксируют образование (как минимум среднее), профессиональный статус (нефизический характер труда), уровень благосостояния (не ниже средних значений для данного поселения), самоидентификацию (как интегральную самооценку индивидом сво-

его статуса в обществе)» (Мареева, 2016а: 18). К нему относят 44% населения и 47% работающих (там же: 20). Причем особое значение приобретает в ходе постиндустриального развития так называемый четвертичный сектор, связанный с образованием, наукой, культурой, информационными услугами)². В профессиональном портрете среднего класса значительна доля среднеквалифицированных «белых воротничков», т. е. периферии ядра среднего класса и *относительно низка доля работников четвертичного сектора*, основы для развития постиндустриального информационного общества. Неомодернизационная трактовка в социальном развитии тесно соотносится с пониманием среднего класса и персональной модернизации как движения к формированию современного человека, человека общества модерна. В этом ракурсе важна модернизированность сознания, социокультурная модернизация, в ходе которой формируются новые нормы, ценности и тип мышления. Эти подходы в методологическом плане соотносятся с исследовательской направленностью концепции А. Инкелеса и Д. Смита, которая рассматривалась ранее.

ЦЕННОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА И «САМОДОСТАТОЧНЫХ РОССИЯН»

«Ценности и установки, характерные для общества модерна, а именно — нонконформизм, внутренний локус-контроль, ориентация на инициативу и приоритет равенства возможностей ярче проявляются именно у представителей среднего класса. Наиболее ярко они выражены в его ядре. Однако при этом сложно говорить об однозначном доминировании этих ценностей у среднего класса: хотя и составляющее меньшинство, но значительная доля его представителей придерживаются противоположных, традиционалистских ценностей» (Мареева, 2016b: 134; курсив источника. — В. В.). Средний класс все же продвинулся дальше по пути перехода от традиционалистских ценностей к ценностям модерна. По данным исследования среднего класса³, к приоритетам в ценностном и мировоззренческом отношении относятся следующие особенности.

1. *В вопросе об идеальной модели общества* выбор «общества индивидуальной свободы» или «общества социального равенства» ответы такие. Индивидуальную свободу выбрали 44% представителей среднего класса, а среди тех, кто не принадлежит к нему, — 29%; общество социального равенства поддержали соответственно 56% представителей среднего класса и 11% остальных россиян.

2. *Отношение к неравенству*. Средний класс признает необходимость социального неравенства, и в этом солидарны с ним остальные россияне. Однако эти представления должны иметь в своей основе справедливость и легитимность. Если неравенство основано на более эффективной работе или более высоком уровне образования, оно признается справедливым при равенстве возможностей.

3. *Желательный вектор развития страны*. Сложился консенсус у представителей среднего класса относительно неприменимости западной модели развития России, есть стремление к «особому» пути России, где важны не только обеспечение социальной справедливости, равных прав для всех граждан, возможности самовыражения (устойчивое предпочтение равенства возможностей над обществом равенства доходов). При этом отмечается необходимость достаточно активной роли государства в социальной и экономической сферах. Треть из представителей среднего класса хотят возвращения России статуса великой державы, возвраще-

ния к национальным традициям, проверенным временем, соответствующим национальным, культурным кодам развития, правам человека и свободе самовыражения личности.

4. *Соотношение личных и общественных интересов.* Большинство (в опросе 2014 г.) считало, что личные интересы — главное для человека (60%), но 40% было уверено, что их нужно ограничивать во имя интересов страны и общества. Треть из всех опрошенных ради спасения страны лично бы пожертвовали своими интересами.

Среди среднего класса появилась в последние годы группа «самодостаточных россиян» — новых субъектов модернизации в России. Их название по сравнению с «зависимыми» получено в ходе социологических исследований Института социологии РАН. Это такая группа населения, которая, по собственной оценке, способна жить самостоятельно, без поддержки государства. Их жизненные ценности — активность и уверенность в своих силах, как показатели формирования *современного человека* в России. «Готовность человека принять на себя ответственность за собственные решения и их последствия приобретает особую значимость, определяя не только его индивидуальную успешность, из индивидуальных успешностей складывается успешность общества» (Горшков, 2015: 316). Их профессиональный портрет — это те, кто живет предпринимательством, самозанятые, руководители среднего и высшего звена. Их управленческий опыт и другие составляющие социального капитала придают уверенность в жизни. Они ориентированы на успех. Их цели и планы в стремлении к успеху можно считать инструментальными: карьера, самореализация, образование, обретение важных знакомств. Установка на самодостаточность — важный социальный маркер, *«отражающий процесс обретения людьми твердой “социальной почвы” под ногами, социальной зрелости, ответственного и самостоятельного подхода к собственной жизни и жизни страны, возможность быть субъектом жизни, а не ее объектом»* (там же, 2015: 317; курсив источника. — В. В.).

Опираясь на данные эмпирических исследований, можно констатировать ряд особенностей персональной модернизации и трансформации человеческого потенциала в российском контексте социального развития.

Во-первых, средний класс и его «самодостаточные» россияне, являясь основой стабильного развития общества, проходят процесс персональной модернизации, что наиболее ярко проявляется в модернизации его сознания и мировоззренческих ориентаций на ценности общества модерна.

Во-вторых, следует отметить вместе с тем, что российское общество стало обществом *массового нижнего среднего класса*, и дело не столько в уровне благосостояния, сколько в том, что в нем *мало рабочих мест*, относящихся к типичным для среднего класса. Без структурной перестройки и ухода от доминирующей экономики сырьевой зависимости превращение России в общество массового среднего класса невозможно.

В-третьих, прямое копирование западного пути не поддерживается ни населением России, ни средним классом и вряд ли будет эффективным в современных условиях, что не исключает заимствований отдельных элементов.

Можно сделать вывод, что влияние персональной модернизации на эффективность экономического развития в России является ключевым фактором процветания страны, так как она представляет механизм формирования главного субъекта

модернизационных процессов — человека, обладающего человеческим капиталом, ориентированным на саморазвитие и экономическую рациональность.

*МЕТОД ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ XXI ВЕКА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ В РОССИИ*

Отмечая значимость человеческого развития и персональной модернизации, ее влияние на эффективность экономического развития, важно понимать также связь этих процессов с выбором национального проекта цивилизационного развития России в современных геополитических условиях. В таком ракурсе анализа метод прогнозирования приобретает особый смысл, сопрягающийся с возможностями человеческого потенциала российского населения. В качестве значимого примера такого соотношения цивилизационного выбора и проблем человеческого развития обратимся к прогнозу «Мир 2035. Глобальный прогноз» Института мировой экономики и международных отношений (МЭиМО).

Отметим ряд важных, на наш взгляд, моментов данного прогноза. Прежде всего, это демографические риски. В России актуальна тенденция старения населения. Она связана с тем, что страна переживает второй демографический переход, так как детей рождается менее двух на женщину репродуктивного возраста, но снижение смертности в трудоспособном возрасте и позитивные сдвиги в медицине ведут к росту продолжительности жизни. В результате возрастает доля пожилых людей в численности населения в целом. Так, «в России уровень демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста возрастает с нынешних 420 пожилых на 1000 трудоспособных до 530 на 1000 в 2030 году» (Мир 2035 ... , 2017: 216). Это ведет к экономическим и финансовым рискам, таким как снижение бюджетной устойчивости, рост пенсионных затрат и на здравоохранение, риск масштабного привлечения мигрантов (возможность конфликтогенности в социальной адаптации), технологические и структурные сдвиги (консервация избыточной трудоемкости отраслей). Поэтому осознание этих проблем ведет к необходимости особого внимания к управлению. «Усиливающиеся ограничения по предложению трудовых ресурсов требуют обеспечивать конкурентоспособность и экономический рост преимущественно не за счет демографического или миграционного потока, а за счет непрерывной модернизации человеческого капитала» (там же: 183; курсив наш. — В. В.). Проблемой может быть продолжающийся отток высококачественного человеческого капитала за границу, вызванного институциональными и рыночными проблемами (технологиями, ресурсной экономикой и т. д.), и, как следствие, рост иностранных локаций для наиболее креативной части ученых, инноваторов, бизнесменов, порождающих утечку интеллектуальных активов и талантов даже в ситуации их физического нахождения на территории Российской Федерации (там же: 332). К проблеме качества человеческого потенциала имеет отношение также и неизбирательная миграционная политика, ведущая к притоку в страну преимущественно неквалифицированной рабочей силы.

Другой важной проблемой и вызовом для России, сопряженной с персональной модернизацией, помимо укрепления и модернизации человеческого капитала, остаются вызовы структурного характера, связанные с перспективами инновационной экономики. «Структурные реформы можно будет назвать успешными с точки зрения рынка труда и занятости, когда, во-первых, взамен устаревших неконку-

рентных производств государство и бизнес в состоянии будут предложить достаточное количество *новых рабочих мест*, а во-вторых, если будет достаточное количество работников, готовых эти места занять» (там же: 337; курсив наш. — В. В.). В стратегическом плане это указывает на значительный риск: низкая трудоемкость высокотехнологичной экономики при сохраняющемся весьма значительном спросе населения на эти рабочие места. Это в свою очередь может представлять угрозу серьезного роста незанятости в условиях инновационной экономики и порождает целый ряд управленческих вызовов, которым можно противостоять при наличии стратегического плана развития экономики.

Эти примеры показывают, что важны привлекательные сценарии решения и ответы на возникающие вызовы XXI в. Речь должна идти также и о привлекательном проекте цивилизационного развития России, учитывающего особенности такой многоэтнической и многоконфессиональной страны, как Россия, ее исторического и культурного наследия и национального характера. Поэтому идеи всечеловечности, всесубъектности, консолидации человеческого потенциала в России становятся все более востребованными с учетом геополитических проблем современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе проанализированы методологические подходы к анализу персональной модернизации на уровне концептуального социально-философского дискурса о модерне, уровне социологического и социально-психологического анализа, предполагающего измерение человеческих качеств на основе социологических опросов и обобщений, в том числе и в российском обществе. Кроме того, показана на примерах роль метода прогнозирования в условиях вызовов человеческому развитию в XXI в. в России.

На этих уровнях анализа были выделены и использованы такие методы, как контекстуализм — способ исследования и реконструкции исторического процесса, дискриптивный метод описания особенностей социальных и индивидуальных изменений, выделение идеально-типических моделей человека, обозначающих логику исторической трансформации человека в процессах персональной модернизации. Важным методологическим основанием анализа было выделение целерациональных систем капитализма: экономики, техники и организационных средств и рефлексивности модерна для понимания исторического изменения персональности человека.

Автор приходит к выводу, что необходимость исследования человеческого измерения исторического процесса и особенностей персональной модернизации связана с возрастающей ролью человеческих качеств, человеческого потенциала, человеческого капитала и требует комплексного подхода к пониманию смыслов происходящих сегодня социальных процессов и оценки ресурсов для формирования будущего. Это также требует расширения исследовательского поля методологического анализа. Помимо отмеченных и использованных в работе методов, важны также уровни исследования ментальности и национальных характеров, а также культуры, в которой реализуется социализация и развитие человеческого потенциала. Это важно в том числе и для проекта цивилизационного развития России, актуального для выбора пути в новую современность XXI в. Эти уровни будут предметом дальнейшего исследования персональной модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Применение понятия «модернизация» к феномену персональности человека, изменяющегося в процессе исторического изменения общества, методологически оправдано, по нашему мнению, так как характеризует не только вещные факторы, относящиеся к производству, но и взаимодействие с новыми социальными институтами, формирующими новые, современные качества людей.

² Первичный сектор производственной и хозяйственной деятельности связан с сельским хозяйством, вторичный — с обрабатывающей промышленностью, строительством, транспортом, связью; третичный — со сферой услуг, торговлей, госуправлением и военной безопасностью.

³ Социологические и эмпирические данные приводятся по исследованию (Средний класс ... , 2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин, В. А. (2010) Перспективы экономической модернизации // Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М. К. Горшкова, А. Крумма, М. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2010. С. 103–131.

Вебер, М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс. 808 с.

Веряскина, В. П. (2021). Персональная модернизация: трансформация человека на пути в новую современность // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 98–113. DOI: 10.17805/zpu.2021.1.7

Веряскина, В. П. (2017). Человек в обществе радикализованного модерна: проблемы и тренды развития // Ценности и смыслы. № 5 (51). С. 83–100.

Гидденс, Э. (2004). Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / пер. с англ. В. Анурин ; ред. Е. Строганова. СПб. : Питер, 2004. 208 с.

Горшков, М. К. «Самодостаточные россияне» и их жизненные приоритеты // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М. : Весь мир, 2015. С. 314–345.

Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М. К. Горшкова, А. Крумма, М. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2010. 344 с.

Зомбарт, В. (2005b). Торгаши и герои. Раздумья патриота // Собр. соч. в 3 т. Т. 2. / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб. : Владимир Даль. 656 с.

Зомбарт, В. (2005a). Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Собр. соч. в 3 т. Т. 1 / пер. с нем. ; сост. Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов ; предисл. А. Н. Руткевич. СПб. : Владимир Даль. 637 с.

Капустин, Б. Г. (2001). Современность // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. Т. III. М. : Мысль, 2001. 693 с.

Мареева, С. В. (2016a) Численность и состав среднего класса в современной России // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир. 368 с. С. 15–37.

Мареева, С. В. (2016b) Ценности и мировоззрение среднего класса // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. 368 с. 131–154.

Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2017. 352 с.

Полянй, К. (2002) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. Васильева и А. Шурбелева ; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя. 320 с.

Полякова, Н. А. (2004). XX век в социологических теориях общества. М. : Логос. 384 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М. : Весь мир, 2015. 432 с.

Самохвалова, В.И. (2003) Массовый человек как герой и потребитель масскульты // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «Против». М. : Изд-во «Гуманитарий Академии гуманитарных исследований». 510 с.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. 368 с.

Федотова, В. Г. (2007). Человеческий капитал, модернизация и проблема развития человека (окончание) // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 21–27.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008). Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция. 608 с.

Фурс, В. Н. (2000). Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск : ЗАО Экономпресс. 224 с.

Giddens, A. (1996) *Leben in einer posttraditionalen Gesellschaft* // Beck U. Giddens A., Lasch S. *Reflexive Modernisierung: Eine Kontroverse*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 364 s.

Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford (California): Stanford University Press. 256 p.

Inkeles, A., Smith, D. (1974) *Becoming modern. Individual Change in Six Developing Countries*. Cambridge (Mass). xi, 436 p.

Sombart, W. (1913) *Die luden und das Wirtschaftsleben*. Munhen. Leipzig. 1913.

Дата поступления: 12.03.2022 г.

*METHODOLOGICAL APPROACHES
TO THE ANALYSIS OF PERSONAL MODERNIZATION
IN THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF MODERNITY
V. P. VERYASKINA
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY*

The article is devoted to the consideration of possible methodological approaches to the study into changes of a person who becomes modern in the course of the historical process. The article shows that, in contrast to traditional society, both society and the person themselves become modern as a result of personal modernization. Personal modernization is understood as the problematization of connections and interaction of a person with social institutions, primarily with capitalism. The paper discusses the features of personal modernization at different stages of capitalism, which, in its turn, is subject to transformations.

In this regard, the paper proposes the idea of the need for methodological analysis of personal organization at different levels: the socio-philosophical concepts of modernity, the level of analysis using the methodology of sociological and socio-psychological approaches, as well as the methodology of predicting possible changes in human potential due to the challenges of the 21st century in the Russian context of social development. Such a multi-level methodological approach to personal modernization allows a deeper understanding of the human dimension of the historical process, its direction and risks associated with the increasing role of human qualities, human potential and human capital in our society.

Keywords: modern man; methodology; personal modernization; liberal and organized modernity; capitalism; free autonomous man; economic and mass individual; human potential; «self-sufficient» Russians

REFERENCES

Anikin, V. A. (2010) *Perspektivy ekonomicheskoi modernizatsii. Gotovo li rossiiskoe obschestvo k modernizatsii* / ed. by M. K. Gorshkov, A. Krumm and M. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir. 344 p. Pp. 103–131. (In Russ.).

Veber, M. (1990) *Protestantskaya etika i duh kapitalizma*. In: Veber, M. *Izbrannye proizvedeniya* / transl. from German; comp., ed. and afterwards by Yu. N. Davydov; foreword by P. P. Gajdenko. Moscow, Progress. 808 p. (In Russ.).

Veriaskina, V. P. (2021) Personal'naiia modernizatsiia: transformatsiia cheloveka na puti v novuiu sovremennost'. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 1, pp. 98–113. DOI: 10.17805/zpu.2021.1.7 (In Russ.).

Veriaskina, V. P. (2017) Chelovek v obshchestve radikalizirovannogo moderna: problemy i trendy razvitiia. *Tsennosti i smysly*, no. 5 (51), pp. 83–100. (In Russ.).

Giddens, E. (2004) *Transformatsiia intimnosti. Seksual'nost', liubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* / transl. from English by V. Anurin; ed. by E. Stroganova. St. Petersburg, Piter. 208 p. (In Russ.).

Gorshkov, M. K. (2015) «Samodostatochnye rossiiane» i ikh zhiznennye priority. In: *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. In 5 books. Book 2 / ed. by M. K. Gorshkov and V. V. Petukhov. Moscow, Ves' mir. 432 p. Pp. 314–345. (In Russ.).

Gotovo li rossiiskoe obshchestvo k modernizatsii (2010) / ed. by M. K. Gorshkov, A. Krumm and M. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir Publ. 344 p. (In Russ.).

Zombart, V. (2005a) *Burzhuia: k istorii dukhovnogo razvitiia sovremenno ego ekonomicheskogo cheloveka*. In: Zombart, V. *Sobranie sochinenii*. In 3 vols. Vol. 1 / transl. from German; comp. by Iu. N. Davydov and V. V. Sapov; foreword by A. N. Rutkevich. St. Petersburg, Vladimir Dal'. 637 p. (In Russ.).

Zombart, V. (2005b) *Torgashi i geroi. Razdum'ia patriota*. In: Zombart V. *Sobranie sochinenii*. In 3 vols. Vol. 2 / transl. from German by D. V. Kuznitsyn. St. Petersburg, Vladimir Dal'. 656 p. (In Russ.).

Kapustin, B. G. (2001) *Sovremennost'*. In: *Novaia filosofskaia entsiklopediia: in 4 vols.* / ed. by A. A. Guseinov, G. Iu. Semigin and A. P. Ogurtsov. Vol. III. Moscow, Mysl'. 693 p. (In Russ.).

Mareeva, S. V. (2016a) *Chislennost' i sostav srednego klassa v sovremennoi Rossii*. In: *Srednii klass v sovremennoi Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniia* / ed. by M. K. Gorshkov and N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir. 368 p. Pp. 15–37. (In Russ.).

Mareeva, S. V. (2016b) *Tsennosti i mirovozzrenie srednego klassa. Srednii klass v sovremennoi Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniia* / ed. by M. K. Gorshkov and N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir. 368 p. Pp. 131–154. (In Russ.).

Mir 2035. Global'nyi prognoz (2017) / ed. by A. A. Dynkin. Moscow, Magistr. 352 p. (In Russ.).

Polan'i, K. (2002) *Velikaia transformatsiia: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* / transl. from English by A. Vasil'ev and A. Shurbelev; ed. by S. E. Fedorov. St. Petersburg, Aleteiia. 320 p. (In Russ.).

Poliakova, N. L. (2004) *XX vek v sotsiologicheskikh teoriiakh obshchestva*. Moscow, Logos. 384 p. (In Russ.).

Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni (2015) In 5 books. Book 5 / ed. by M. K. Gorshkov and V. V. Petukhov. Moscow, Ves' mir. 432 p. (In Russ.).

Samokhvalova, V. I. (2003) *Massovyi chelovek kak geroi i potrebitel' masskul'ta. Massovaia kul'tura i massovoe iskusstvo. «Za» i «Protiv»*. Moscow, Humanitarian of the Academy of Humanitarian Studies. 510 p. (In Russ.).

Srednii klass v sovremennoi Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniia (2016) / ed. by M. K. Gorshkov and N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir. 368 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2007) *Chelovecheskii kapital, modernizatsiia i problema razvitiia cheloveka (okonchanie)*. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no 2, pp. 21–27. (In Russ.).

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008). *Global'nyi kapitalizm: tri velikiie transformatsii*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 608 p. (In Russ.).

Furs, V. N. (2000) *Filosofiia nezavershennogo moderna Iurgena Khabermasa*. Minsk, ZAO Ekonompress 224 p. (In Russ.).

Giddens, A. (1996) *Leben in einer posttraditionalen Gesellschaft*. In: Beck U. Giddens A. and Lasch S. *Reflexive Modernisierung: Eine Kontroverse*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 364 p. (In German)

Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford (California): Stanford University Press. 256 p.

Inkeles, A. and Smith, D. (1974) *Becoming modern. Individual Change in Six Developing Countries*. Cambridge (Mass). xi, 436 p.

Sombart, W. (1913) *Die Juden und das Wirtschaftsleben*. München. Leipzig. (In German)

Submission date: 12.03.2022.

Веряскина Валентина Петровна — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел. +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: vveryaskina@gmail.com

Veryaskina Valentina Petrovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel. +7 (495) 697-98-93. E-mail: vveryaskina@gmail.com